

детектив-событие

Валерия Лемаф

ПРОКЛЯТИЕ СТРАВИНСКОГО

Валерия Леман
Проклятие Стравинского
Серия «Детектив-событие»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12165663
Проклятие Стравинского: Э; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-83809-7

Аннотация

За любимой женщиной можно отправиться и на край света! Ну а тем более в славный городок Монтре на фестиваль «Богема», собрав едва ли не всю богему мира – и Соню Дижон в том числе. Рядом с ней – ее верный и преданный Ален Муар-Петрухин...

Монтре – столица швейцарской Ривьеры, городок улыбок и благополучия, где, кажется, каждый второй перманентно счастлив. Даже трупы танцоров балета, что становятся завершением едва ли не каждого дня фестиваля, отмечены блаженной улыбкой черных губ – улыбкой смерти...

Именно в Монтре Стравинский создавал свою «Весну священную». Алекс Мону блестяще исполнил отрывок из нее; еще не смолкло эхо аплодисментов, а танцор был мертв...

Три смерти, одинаково отмеченные черными улыбками смерти, – кто их автор? Кто в счастливейшем Монтре убивает молодых удачливых танцоров с местным «акцентом» – оставляя счастливую улыбку на лице? Все вопросы найдут свои ответы под занавес «Богемы»...

Содержание

Глава 1. Прогулки под Луной	5
Глава 2. Допрос по-швейцарски	9
Глава 3. Утренний кофе Мари	12
Глава 4. Встречи на базарчике	15
Глава 5. По пути к Шильону	18
Глава 6. «Весна священная» в Шильоне	21
Глава 7. Русская, несчастная, закомплексованная	23
Глава 8. Новые знакомства в славном Монтре	27
Глава 9. Сюрпризы Алекса Мону	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Валерия Леман

Проклятие Стравинского

© Леман В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Глава 1. Прогулки под Луной

*Монтре! Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось,
Как много в нем отозвалось!..*

Оговорюсь сразу: данная, весьма вольная интерпретация классических строк Пушкина принадлежит не мне – лучшей девушке на свете, любви всей моей молодой жизни Соне Дижон. В эту волшебную апрельскую ночь мы с ней, нежно обнявшись, неторопливо брели по аллее набережной славного швейцарского городка Монтре; Соня проводила для меня увлекательную экскурсию по местным многочисленным достопримечательностям, а я периодически оплачивал информацию благодарными поцелуйчиками.

– И, между прочим, ничего плохого в замене Москвы на Монтре нет, потому как городок Монтре связан со многими славными именами русской культуры. К примеру, твой обожаемый Набоков именно здесь наслаждался дивным бытием последние шестнадцать лет своей жизни – просто гулял, ловил бабочек, пил кофе и любовался окрестностями с балкона своего роскошного *suit-номера* отеля *Montreux Palace*, – говорила Соня, кивая в сторону возвышавшегося по левую сторону от нас внушительного здания, светящегося огнями. – Согласись: Набокова легко понять! Сама атмосфера этого городка словно дышит счастьем. Здесь нет обворожительных красот и зданий потрясающей архитектуры, все просто по-европейски, вполне прилично, но...

Тут Соня остановилась, вдохновенно развернувшись ко мне, улыбаясь таинственно и сладко – тонкий овал лица, черное каре волос, синие удлинненные глаза... С серебристой подсветкой луны все это смотрелось особенно эффектно.

– Ты знаешь, мне не раз приходилось участвовать в бесконечных швейцарских спорах о Монтре. Швейцарцы – на редкость милые люди, все у них благополучно и размеренно с самых пеленок, потому они без особого напряжения улыбаются всем встречным, сердечно желая благополучия. И все-таки даже эти, с рождения счастливые, люди в Монтре ощущают непривычную приподнятость и радость, желание смеяться и обнимать весь мир. Отчего так? Что такого в этих простых переулках и аллеях, что, едва оказавшись здесь, даже самый бедный парень с пустыми карманами вдруг начинает улыбаться счастливой улыбкой?

Скрестив руки на груди, Соня выжидательно смотрела на меня, словно только я, ее преданный поклонник Ален Муар-Петрухин, москвич-полукровка с французом папой и русской мамой, могу точно и ясно дать достойный ответ на столь заковыристый вопрос. Мелочь, а приятно.

Я широко, по-монревски радостно, улыбнулся и энергично помотал головой из стороны в сторону.

– Понятия не имею – почему! Но почему-то мне кажется, ты, великая художница современности, все сама прекрасно знаешь. Открой мне тайну счастья под названием «Монтре»!

Соня улыбнулась, важно кивнула и, вновь подхватив меня под руку, продолжила наше движение по набережной.

– Я думаю, все просто. Пару веков назад сюда, в тихое и благословенное место, далекое от бурной цивилизации Европы, стали приезжать состоятельные люди. Они покупали здесь симпатичные домики и чудесно проводили свободное время с родными и близкими в мирном отдыхе и лечении дарами – свежим воздухом, густым молоком и покоем. Постепенно к

Монтре пришла слава райского уголка, и городок стал расцветать, сохраняя при этом свою чистоту и привлекательность.

И вот представь: если на протяжении двух веков в небольшом по площади местечке девяносто девять, а то и все сто процентов населения – благополучные, счастливые люди, не знающие особых проблем, начинающие свой день с улыбки и засыпающие с миром в душе, то это непременно скажется на общей атмосфере городка! Улыбаясь улыбкой счастливого человека, каждый житель Монтре отправляет в атмосферу свой флюид счастья, который, соединяясь с миллионами других, таких же светлых и чудесных флюидов, создает над городком чудесный зонтик – сделав только первый шаг и попав под него, каждый новичок первым делом улыбнется. И внезапно поймет, что жизнь прекрасна и удивительна. Разве не так?

– Именно так! – согласно кивнул я, с наслаждением вдыхая аромат цветущей магнолии, которая за ограждением очередного отеля бесшумно роняла в траву роскошные бутоны цветов, рассыпающиеся белоснежными лепестками. – Монтре – город счастья. Наверное, поэтому именно здесь столько дорогуших клиник, в которых исцеляются едва ли не все болезни.

– И именно здесь жил последние годы смертельно больной Фредди Меркьюри, – подхватила Соня, – и еще сотни никому не известных людей... И, между прочим, однажды сюда прибыл Петр Ильич Чайковский. Великий композитор находился в ужасной депрессии, которая немедленно прошла после первой же ночи в местном отеле. Уже на следующий день улыбающийся Петр Ильич катался в лодке со своим сердечным другом, а в его голове (или в сердце?) рождались первые ноты знаменитого концерта для скрипки с оркестром.

Последняя фраза вернула меня к сегодняшнему вечеру. Дело в том, что два дня назад мы с Соней прибыли в Швейцарию, в солнечный Монтре, по серьезному поводу: здесь открывался первый фестиваль искусств под названием «Богема». Соня везла с собой целый вагон своих гениальных полотен, как участница конкурса художников, а я находился при ней в качестве почетного сопровождения.

И вот сегодня вечером, шестнадцатого апреля, на набережной состоялось поистине грандиозное открытие фестиваля при участии оркестров, юных звезд оперы и балета. Собственно, это шоу все еще продолжалось, и над набережной чудесным фоном нашей прогулки звучала вечная классика; мы же с Соней, не дожидаясь окончания действия, решили немного пройтись для успокоения бурных эмоций перед сном. Между тем нам было от чего разволноваться.

Представьте себе сцену под открытым небом, эффектные фейерверки и волшебную музыку; самым же потрясающим для нас с Соней было то, что гвоздем программы стал наш соотечественник – двадцатидвухлетний танцор частной балетной труппы Санкт-Петербурга Савелий Уткин, исполнивший сольную партию из балета Чайковского «Щелкунчик».

– Кстати, о Чайковском, – быть может, не слишком к месту вставился я. – На что я никогда не был большим любителем балета, но выступление нашего Савелия было потрясающим. Какие он кренделя выделывал на сцене! У меня создалось полное впечатление, что парень попросту летает, лишь изредка отталкиваясь ножками от грешной земли. Да, Сонюшка, не разглядели мы талант! Как ты думаешь, неужели он действительно ночует где-нибудь на скамейке набережной?

Произнеся последнюю фразу, я невольно огляделся. Вдоль набережной под шелестящими пальмами, платанами, магнолиями и прочими экзотическими и среднестатистическими европейскими деревьями красовались удобные скамейки шоколадного цвета. Воздух был пряный и по-весеннему теплый, так что на любой из этих скамеек, подстелив какой-нибудь свитерок или курточку, вполне можно было переночевать без особых проблем. Примерно это я, поспешив успокоить свою больную совесть, и сообщил Соне.

В ответ моя подруга презрительно фыркнула.

– В таком случае, предлагаю нам с тобой здесь и переночевать!

Она тяжело вздохнула и укоризненно покачала головой, как какая-нибудь мудрая старушка.

– Стыдно, мой милый! Парень просил о помощи своих вполне благополучных земляков, а мы послали его куда подальше. Между тем наш случайный попутчик оказался талантищем.

В принципе Соня была абсолютно права. Савелий Уткин действительно оказался нашим случайным попутчиком. Мы познакомились на перроне Женевского вокзала: услышав русскую речь, парень вцепился в нас мертвой хваткой; в итоге мы отправились в Монтре вместе, поездом Женева – Вильнев, и весь час с лишним пути явно «голубенький» Савелий с вдохновенно взъерошенными космами пел нам унылую песню о своей несчастной бедности.

По его словам, он без проблем прошел строгий отбор на участие в фестивале, столкнувшись лишь с одной-единственной трудностью – отсутствием денег. Труппа петербургского театра, в которой он честно трудился, с большим трудом наскребла средства на дорогу в оба конца, а вот внести взнос с тем, чтобы фестиваль обеспечил участника местом в отеле с классическим завтраком, входившим в общую стоимость, не удалось. Как сообщил с плаксивыми интонациями Савелий, деньги попросту зажал жутко завидовавший ему «прима» труппы, который сам продал бы душу дьяволу, чтобы только стать участником «Богемы».

Почуяв в нас благополучных и сытых россиян, парень принялся ныть, взывая о помощи. Но единственное, чем лично я мог ему помочь – это отсыпать горсть швейцарской мелочи на кофе с круассанами. Дело в том, что и нам с Соней швейцарские отели не слишком по карману, а потому было заранее обговорено, что мы остановимся в доме троюродной сестры покойного отца-швейцарца Сони – Мари Венсе. Сами понимаете, тащить с собой в европейский дом еще одного постояльца с явными признаками гомосексуалиста – не слишком хороший тон.

Выслушав наши объяснения, Савелий тяжело вздохнул и произнес трагическим тоном, что один из его питерских коллег, бывавший сто лет назад в Монтре, дал добрый совет: ночевать на скамейках набережной. Как говорится, тепло, светло и мухи не кусают. Мы с Соней, утомленные двухчасовым гнусавым соло несчастного соотечественника, обеими руками подтвердили данную информацию, а на вокзале Монтре поспешили исчезнуть из его поля зрения.

И вот теперь на торжестве открытия парень неожиданно предстал перед нами совершенно в другом ракурсе, мгновенно вызвав вспышку раскаяния. Хотя как лично я мог бы ему помочь? Оплатить отель, в котором радовался жизни великий Набоков?..

– ...надеюсь, у организаторов этого фестиваля хватило совести не оставлять парня под открытым небом!..

Между тем Соня, крепко уцепившись за мой локоток, продолжала свой покаянный монолог.

– Клянусь, сейчас я бы рискнула переговорить с Мари насчет еще одного иждивенца. Тем более, полагаю, душка Паскаль нас поддержал бы.

Вот тут я на месте Сони всерьез засомневался бы! Очень милый и симпатичный сын Мари Венсе, великий специалист по компьютерам Паскаль, при всем своем благодушии и миролюбии на дух не переносил голубеньких ребят – это даже я за неполные два дня знакомства успел понять по его отдельным комментариям в адрес памятника Фредди Меркьюри на набережной Монтре. Я уже хотел было возразить подруге по этому поводу, как внезапно перед нами открылась жутковатая до нереальности картинка, в одно мгновение заставив резко умолкнуть обоих.

Представьте себе: ночь в лиловых красках и оттенках, усыпляющий шелест деревьев, фонарь на тонкой ножке, на пару с гигантской луной льющий свой мягкий свет на скамейку

с застывшим в грациозной позе Щелкунчиком на ней – в красном мундире и треуголке, с деревянным щелкунчиком в тонких пальцах рук и блаженной улыбкой словно нарисованных черным фломастером губ...

Существенное дополнение: парень в костюме Щелкунчика был нашим знакомцем Савелием Уткиным, и, судя по остекленевшему взгляду глядящих в черную вечность глаз, он был давно и безнадежно мертв.

Глава 2. Допрос по-швейцарски

Когда дело касается убийства и за работу берется полиция, все проходит примерно по единой схеме во всех странах мира, включая благостную Швейцарию: допрос с протоколом, нудные вопросы следователя и суровое подозрение в каждом взгляде, брошенном полицейскими на тебя – ушлого туриста, умудрившегося отыскать на мирной скамейке мирной аллейки жуткий труп.

Конечно, у швейцарской полиции есть своя особенность, немедленно проявившаяся, как только нас с Соней усадили в кабинете комиссара, представленного нам, как мсье Луи Крисуа.

– Не желаете кофе?

Это был первый вопрос рядового полицейского, после которого без малейшей паузы и ожидания ответа перед нами на столе нарисовались две симпатичные чашечки капучино с воздушной пенкой. Мы благодарно кивнули и немедленно отпили по благодатному глотку – право дело, после всех переживаний и хождения вокруг трупа на скамейке в ожидании прибытия полицейской машины это были поистине живительные глотки!

Почти тут же в кабинет вошел и, приветственно кивнув нам, уселся напротив бритый наголо господин в светлом костюме.

– Позвольте представиться: я – комиссар Крисуа, буду вести это дело, – произнес он, строго сведя темные брови к переносице. – А вы, – тут он взял листок бумаги, положенный полицейским перед ним, – а вы – это мсье Ален Муар-Петрухин и мадам Соня Дижон, русские туристы...

Прочитав бумагу до конца и отбросив ее на стол, комиссар несколько озадаченно посмотрел на нас. Соня, привыкшая к подобным ситуациям, пихнула меня в бок, и я довольно бойко пояснил:

– Да, мсье комиссар, мы с мадам Дижон оба проживаем в России, но отец Сони был гражданином Швейцарии, а мой и ныне проживает в городе Париже, от них – наши не совсем русские фамилии и хорошее знание французского языка. Задавайте свои вопросы, а мы постараемся на них ответить. И, если не сложно – можно еще по чашечке кофе?..

Стоит оговориться, что за свою недолгую жизнь я не раз становился участником расследования преступлений, а потому был довольно хорошо знаком с общей процедурой утомительных допросов. Но это швейцарское дело, которое началось с жутковатой «находки» на набережной Монтре, с самого начала отличалось от других щедрым кофейным ароматом.

Комиссар в ответ на мою просьбу кивнул, и вскоре перед нами появились новые порции бодрящего напитка, что, учитывая позднее время (шел третий час ночи), было особенно приятно. Не сговариваясь, мы с Соней залпом выдули по второй порции. Теперь можно было отвечать на все вопросы.

А вопросы были вполне стандартные и обычные: зачем прибыли, у кого остановились (адрес, ФИО, телефоны), как очутились в два часа ночи на аллее набережной, кто первым заметил труп, не встречали ли людей по дороге к злосчастной скамейке, и все в том же духе.

После того как из наших четких и ясных ответов комиссар узнал, что мертвый человек на скамейке при жизни был нам знаком, последовала новая порция вопросов: откуда мы его знаем, его ФИО, возраст, род занятий, а также – неизвестно ли нам, каким образом он попал в Монтре, с какой целью и где остановился.

Разумеется, с самого начала слово взял я, изложив историю нашего с Савелием знакомства: как он подскочил к нам, едва мы оказались на перроне Женевского вокзала, как представился солистом балетной труппы театра «Снежинка» города Санкт-Петербурга, приглашенным для участия в фестивале «Богема» в Монтре, как дико обрадовался, узнав, что мы

отправляемся туда же и немного ориентируемся на местности, чтобы без проблем добраться до этого таинственного Монтре – это слово Савелий произносил с восторженным придыханием.

Я достаточно подробно передал весь наш разговор, а точнее – бесконечный монолог Савелия в поезде и то, как парень плакался нам, что ему негде остановиться в Монтре, а в кармане – ни гроша. При этом я в очередной раз ощутил болезненные укусы совести, но комиссар, как классический европеец, активно поддержал наш здоровый эгоизм.

– Странный парень, – удивленно приподнял он свои густые брови. – О чем он думал, отправляясь на фестиваль? В первую очередь нужно было забронировать номер в каком-нибудь недорогом отеле.

Сами понимаете, я не стал читать полицейскому лекцию о том, что ежемесячного дохода среднего статистического россиянина не хватит даже на дорогу в Швейцарию, не говоря уже о бронировании номера в самом наискромнейшем отеле. Я просто без лишних эмоций выложил всю информацию, полученную нами от Савелия Уткина, включая совет его бывшего приятеля ночевать на скамейках набережной, после чего слово взяла доселе сладко зевавшая у меня под боком Соня.

– И, между прочим, этот Савелий стал самой настоящей звездой открытия фестиваля, – проговорила она, лениво похрустывая пальчиками, расправляя затекшие плечи. – Видели бы вы, комиссар, как он парил над сценой под волшебную музыку балета «Щелкунчик»! Настоящее чудо.

Комиссар с интересом посмотрел на нас, немедленно ухватившись за конкретный факт: труп танцевал партию из балета «Щелкунчик». «Щелкунчик»! – комиссар даже шелкнул пальцами, словно сделал великое открытие.

– Теперь понятно, почему убитый был столь странно одет. – Он укоризненно покачал головой. – А ведь я бывал на этом балете в детстве, а также, помнится, очень любил одноименный мультфильм. Стало быть, парень танцевал партию Щелкунчика, и на нем остался его костюм!

– И в руках у него был деревянный щелкунчик со вставленным орешком, – напомнил я. – Вряд ли у Савелия был такой щелкунчик, у него и багажа-то приличного не было. Скорее всего кто-то подарил ему эту игрушку после успешного выступления. И еще, – тут я чуть наклонился в сторону комиссара, – вы не могли бы назвать нам причину смерти Савелия? Он так странно выглядел...

Комиссар пару минут сверлил меня взглядом многозначительно прищуренных глаз. Я терпеливо ждал – ясное дело, возможно, полицейский думает, я специально задал этот вопрос, чтобы подчеркнуть свою невиновность: дескать, понятия не имею, как он был убит и прошу сообщить мне эту информацию.

Что бы там ни было, а размышления комиссара пришли к логическому завершению: зачем обижать вполне приличного русского туриста, если завтра полиция официально сообщит данную информацию родной прессе, так что уже к обеду газеты будут бурно обсуждать сенсационное убийство!

– Судмедэксперт еще не приступал к своей работе, он займется этим с утра, так что пока мы можем лишь делать предположения, – комиссар устало откинулся на спинку своего кресла. – И тем не менее я стопроцентно уверен, что наши предположения обязательно подтвердятся. Потому что по всем признакам погибшему был сделан укол препарата, который наша пресса окрестила «Волшебный сон» – изобретение доктора Оскара Плиса, который год назад подозревался в незаконном проведении эвтаназии. Это было шумное дело, так что, боюсь, теперь пресса дружно его вспомнит и начнет совать свой нос, куда не следует.

Только представив себе все возможные последствия сегодняшней ночи с трупом на скамейке, комиссар горестно вздохнул.

– Дело в том, что год назад мы получили анонимное послание о том, что доктор Плис провел незаконную эвтаназию по заказу богатого клиента. Естественно, мы предприняли ряд мер, но в конце концов все завершилось ничем: мы так и не смогли обвинить доктора Плиса в том, что он отправил на небеса по крайней мере одного клиента. Пузырек опасного препарата, рассчитанный на пять смертельных доз, бесследно исчез, а сам доктор немедленно сошел с ума. Анонимщика раскрыть не удалось, свидетелей не было ни одного, так что и само «дело» пришлось закрыть, так и не открыв официально...

Он покачал головой, словно заново переживая события годовалой давности.

– Самое неприятное, что на руках у нас не было ни одной улики, равно как у экспертов – ни намек на примерный состав препарата. Но таинственный анонимщик очень подробно описал единственную жертву эвтаназии доктора Плиса. По его словам, старик умер очень быстро, в течение каких-то пятнадцати минут, ощущая при том ни с чем не сравнимое блаженство, что отразилось на его лице – он непрерывно улыбался и даже негромко смеялся; единственный отрицательный момент: с первых же минут губы старика стали черного цвета.

Еще один горестный вздох.

– Блаженная улыбка на лице и почерневшие губы – вот и все признаки использования «Волшебного сна», известные нам и всему миру, потому как наш анонимщик не поленился дубликат своего послания отправить в редакцию крупнейшей кантональной газеты «Женевские новости». Вся общественность достаточно бурно обсуждала сумасшедшего доктора и его таинственный препарат; в течение долгого времени случай каждой смерти в кантоне тщательно проверялся...

Комиссар глубоко вздохнул, потянувшись.

– И вот спустя год у нас появилась жертва первой из пяти порций пропавшего препарата – молодой человек, танцор балета из России... Согласитесь, не совсем понятно, какую цель преследовал убийца, ведь жертву здесь никто не знал. Самое же неприятное: чует мое сердце, теперь пресса поднимет шум в духе: «Кто – следующие четыре жертвы блаженной смерти?»

Только он произнес свою фразу, как мне припомнились недавние рассуждения Сони о счастливой атмосфере Монтре. «Елки-палки, а ведь смерть Савелия с блаженной улыбкой на лице вполне вписывается в стиль «райского зонтика Монтре» – счастливая смерть в счастливом городе!» – подумал я.

Между тем наш допрос был благополучно завершён. Подписав все протоколы, мы с Соней выразили комиссару наше душевное сочувствие и поддержку, после чего простились, с легким сердцем бегом отправившись в дом Мари Венсе – рухнуть в объятия сна.

Глава 3. Утренний кофе Мари

Весна – время коротких ночей; не успеешь опустить голову на подушку, как тебя уже ласково будят проникающие сквозь тонкий занавес лучи ослепительного солнца, а птичьи хоралы исполняют роль благозвучного будильника, пропевая волшебные ноты и пассажи. И лучшим примером волшебства счастливых пробуждений были наши с Соней утренники в светлой спальне на втором этаже крошечного домика в Монтре с окнами, выходящими на восток.

Следующим днем после наших ночных приключений была суббота – выходной день, а потому сама хозяйка и ее сын Паскаль терпеливо ожидали нашего появления на террасе перед кухней домика. Оба пили кофе и обсуждали новость, которую принесла «сорока на хвосте», точнее – соседка Милли, проживавшая через три дома от них, державшая двух козочек, а потому снабжавшая по средам и субботам семейство Венсе козьим молоком и домашним сыром.

Как мы узнали чуть позже, Милли не просто сообщила о загадочно убитом танцоре балета; из таинственных источников ей было совершенно точно известно, что обнаружили труп на скамейке набережной мы с Соней – гости Мари Венсе. Сами понимаете, именно потому Мари и Паскаль в этот день не спешили отправиться на зеленый базарчик за овощами и фермерскими колбасками, а терпеливо ожидали нашего пробуждения, сгорая от желания услышать рассказ от первого лица.

Дождались они только меня: Соня сладко спала, и я в одиночестве спустился по лестнице в столовую, вышел через кухню на террасу, услышав в ответ на свое приветствие энергичное восклицание Мари:

– Ну, наконец-то, Ален! Мы вас заждались – быстрее рассказывайте про все свои приключения!

Надо отметить, что Мари, несмотря на свой вполне солидный возраст «под шестьдесят», была на редкость привлекательной дамой: высокая и стройная блондинка с красивыми глазами серого цвета и никогда не исчезающей с лица улыбкой. Сразу после нашего прибытия она представилась лично мне следующим образом: «Приятно познакомиться, Ален! Соня меня неплохо знает, потому спешу поставить в известность лично вас: меня зовут Мари, просто Мари – без приставки «мадам» или «тетя». Прошу так меня и величать!»

Естественно, я так ее и величал, а потому уже открыл рот, чтобы произнести вполне классическое приветствие «Доброе утро, Мари и Паскаль!», когда меня неожиданно сбил с толку пылкий призыв хозяйки немедленно поведать обо «всех моих приключениях». Еще наполовину пребывая в блаженстве легкого сна, я не сразу сообразил, что речь идет не обо всех моих молодецких похождениях в целом, но конкретно о событиях минувшей ночи.

Пару секунд я стоял, озадаченно переводя взгляд с Мари на Паскаля и обратно. На помощь мне пришел Паскаль:

– Боюсь, мама, ты несколько озадачила Алена. Полагаю, нужно говорить конкретнее: мы с тобой в предвкушении волнующего рассказа о том, как Ален с Соней обнаружили труп русского танцора сегодня ночью на набережной. – Тут Паскаль с улыбкой развернулся ко мне. – Видите, Ален, благодаря нашей соседке тетушке Милли мы уже введены в общий курс дела, так что прошу рассказать нам, что случилось, честно и откровенно, ничего не утаивая!

Само собой, тут до меня все дошло, и я уселся за стол, а Мари в мгновение ока приготовила для меня чашечку ароматного кофе.

– Собственно, я не могу сообщить вам ничего сенсационного, суть вы знаете: убит русский танцор, чрезвычайно одаренный парень, которого вчера после его дебюта на открытии фестиваля мгновенно окружили восторженные поклонники с просьбой дать автограф.

– Признаюсь вам, среди этих просителей автографа был даже я, – смущенно хмыкнул Паскаль, поправляя очки. – Я был просто потрясен его выступлением: парень исполнял совершенно потрясающие прыжки, он попросту парил над сценой, и это смотрелось восхитительно.

Мари кивнула.

– Да, Ален, мы с Паскалем – большие поклонники балета. Боюсь, если бы не любовь к точным наукам, приятель вполне мог уговорить Паскаля посещать балетную школу с ним на пару. К счастью, этого не произошло! – Она поспешила долить кофе в мою опустевшую чашку. – Но прошу прощения за данное отступление. Рассказывайте, Ален, как вы обнаружили этого парня, как его узнали – словом, выкладывайте все, что вам известно. Это так интересно!

Пришлось подробно изложить историю нашего знакомства с Савелием в поезде, не умолчав и о дискуссии с Соней по поводу того, стоило ли нам просить Мари приютить бездомного танцора.

В этой части моего рассказа Мари, не выдержав, весело расхохоталась, захлопав в ладоши.

– О, боже мой, как жаль, что вы не попросили меня об этой пустяковой услуге! Ведь я имела шанс не только приютить талантливого юношу, но и, возможно, тем самым спасти его от смерти... Кстати, а каким образом он был убит?

Вот тут настала моя очередь получать информацию, произнеся в ответ лишь короткую фразу:

– Пока неизвестно, но вполне возможно, что парню ввели препарат под условным названием «Волшебный сон»...

Пару минут Мари и Паскаль пялились на меня, округлив глаза. Первым не выдержал Паскаль:

– Вот это действительно сенсация!

Он тут же развернулся к матери.

– Помнишь, как журналисты всех газет смаковали тему «блаженной смерти» от «Волшебного сна», достаточно подробно описанную в анонимке? А сколько было шума из-за пропажи последних пяти доз! Пресса по сто раз обмусоливала не столько конкретный случай незаконной эвтаназии Оскара Плиса, сколько блаженство умирающего человека и его жутковато-черные уста. Достаточно бурно обсуждалось также совершенно необъяснимое исчезновение зловещего изобретения. Заголовки пугали всех честных обывателей: «Черная улыбка блаженной смерти», «Кто станет новыми блаженными жертвами «Волшебного сна»?», «Незаконная эвтаназия будет продолжена»... И все в том же роде.

Войдя в азарт, Паскаль даже потерял руки.

– Но никаких предсказанных преступлений не последовало – тела всех, кто умер за этот год, подвергались тщательной экспертизе с общим выводом: все эти люди умерли сами по себе, без какой-либо помощи извне. Так что в конце концов о том деле позабыли, как о чем-то давнем, не совсем реальном и не имеющем предсказанного мрачного продолжения. И вот спустя год продолжение все-таки последовало! И странная жертва – русский танцор, которого здесь никто толком не знал...

Паскаль печально покачал головой, в тот момент до смешного напомнив мне классическую добродушную бабульку.

– Да, это настоящая сенсация, и, боюсь, она затмит собой вечное искусство нашего новорожденного фестиваля...

Жизнерадостная Мари успокаивающе похлопала сына по плечу, одновременно поднимаясь.

– Искусство вечно, дорогой мой Паскаль, его не победят нелепые убийства. Вот увидишь: все будут помнить волшебные прыжки несчастного Савелия, но мало кто припомнит, кто и за что его убил... Собирайся! Мы отправляемся на субботний базарчик. Не желаете составить нам компанию, Ален?

Я желал, и с восторгом. По планам на сегодняшний день Соня, проснувшись и отведав свой кофе, отправится со мной на пару в Шильонский замок, где в два часа готовилось открытие ее персональной выставки. Стало быть, еще как минимум час она будет сладко спать. Ясное дело, что мне этот час стоило провести в компании все и вся знающих Мари и Паскаля – ознакомиться с базарчиком, его весенним ассортиментом и замечательными торговцами.

Я собрался за пять минут, спустился, получил из рук Мари сумку на колесиках, после чего мы дружно отправились за покупками.

Глава 4. Встречи на базарчике

Наш визит на зеленый базарчик прошел самым чудесным образом: мы прогулялись по всем рядам с лотками фермеров, заполненными первыми овощами из теплиц, всевозможной мясной продукцией и отменными домашними сырами. Мари торжественно представляла меня каждому из своих знакомцев-фермеров, и я каждому столь же торжественно пожимал руку. В итоге обе наши мини-тележки – одна у меня, другая – у Паскаля – были доверху нагружены наисвежайшей продукцией от производителей.

– Какое счастье, что славные фермеры пока не в курсе ночного убийства, – глубоко-мысленно произнес Паскаль, – не то наш базарный променад продлился бы вдвое дольше.

Мари энергично взмахнула рукой.

– Не говори глупостей, Паскаль! – Она выразительно усмехнулась. – Фермеров гораздо больше интересует урожай в теплицах, отел коров и прибавка веса у собственных хрюшек. А то, что в Монтре какие-то бездельники убили своего собрата, для них сродни анекдотам, не более того.

– Кстати, о бездельниках, – тут же подхватил Паскаль, кивая в направлении кафе в конце базара. – Один из них сейчас заказывает себе кофе с блинчиками. Предлагаю присоединиться к нему – Жак Мюре, главный организатор и меценат новорожденного фестиваля «Богема», мой бывший одноклассник, наш с мамой добрый друг и приятель, – Паскаль улыбкой словно спрашивал моего разрешения. – Не желаете ли познакомиться с ним, Ален?

Я – всегда обеими руками за все новые знакомства. Здесь же у меня был двойной интерес: возможность из первых уст узнать о том, как обустроился бедняга Савелий на швейцарской земле. Неужели и в самом деле талантливый парень ночевал под открытым небом?

С первых же минут нашего знакомства Жак Мюре, горячо пожав мне руку со словами «Жак, просто Жак...», напомнил мне знаменитого Жана Габена – то же добродушное, слегка одутловатое лицо, тот же хриловатый раскатистый голос и точно такая же кепка на голове. Едва мы расселись за столиком, как Жак, эффектно откинувшись на спинку кресла и полуприкрыв блеклые глаза, сдвинул кепку на затылок, проговорив волнующим «габеновским» баритоном:

– Друзья мои, приятно встретить вас после первого, премьерного дня нашего фестиваля! Ведь вас можно смело назвать моими добрыми ангелами.

Тут он подмигнул мне.

– Знаете ли вы, Ален, что имя фестиваля – изобретение нашего друга Паскаля? Если бы не он...

Паскаль, который, стоит отметить, выглядел намного моложе своего одноклассника, в ответ немного смущенно рассмеялся, мгновенно порозовел, пальцем поправляя круглые очки.

– Спасибо за комплимент, Жак! Но на самом деле ты и сам вполне мог сделать правильный выбор, просто тебе было не до того. Ведь с первого дня на тебя навалилось столько хлопот и забот, шутка ли – подготовить проведение самого настоящего фестиваля искусств! А мой вклад – минимальный...

И все-таки было вполне очевидно, что Паскалю не терпится похвалиться своим скромным вкладом в дело фестиваля, потому я отставил чашку кофе в сторону и заинтересованно на него уставился.

– Послушайте, вы меня заинтриговали, Паскаль! Нельзя ли поподробнее узнать о вашем «минимальном» вкладе в «Богему»?

Душка Паскаль улыбнулся улыбкой абсолютно счастливого человека, немедленно приступив к рассказу:

– Мой вклад действительно минимальный! Все просто. Однажды вечером, в самый разгар подготовки фестиваля, мне позвонил Жак. Без лишних предисловий, в своей решительной манере, он спросил: «Дружище, как тебе название для нашего фестиваля – «Девять муз»?» – Паскаль хитро усмехнулся. – Что ж, название неплохое, звучит внушительно, но маленькая неувязочка...

Тут рассказчик многозначительно прищурился, откинувшись на спинку кресла и скрестив руки на груди.

– В школьные годы я много читал самой разнообразной литературы, а потому неплохо помню: семь муз, согласно греческой мифологии, это богини – покровительницы искусств. Но вот каких? Перечисляю по пальцам...

Паскаль, выпрямившись, торжественно продемонстрировал нам свою мягкую розовую ладошку.

– Итак: Каллиопа – муза эпической поэзии, Эвтерпа – лирической поэзии и музыки, Мельпомена – трагедии, Талия – комедии, Эрато – любовной поэзии, Полигимния – пантомимы и гимнов, Терпсихора – танцев, Клио – истории и, наконец, Урания – муза астрономии.

Он с победным видом откинулся на спинку стула, вновь торжественно скрестив руки на груди.

– Как видите, часть муз на нашем фестивале осталась бы без дела! В самом деле, ведь Жак не приглашал к участию в нем историков и астрономов. Зато художники вообще не вписались бы – нет такой музы в нашей девяточке! Вот почему я предложил Жаку простое до банальности, но полностью подходящее для нашего фестиваля название – «Богема». Ведь деятели искусств и есть настоящая богема общества. Согласны со мной?

– Вы абсолютно правы, Паскаль.

Между тем обсуждение списков полного перечня муз, по-видимому, немного наскучило Жаку, и он поспешил сменить тему: пару раз хлопнув в ладоши, внезапно «надел» на лицо маску трагедии, протяжно вздохнув.

– Полагаю, вы уже слышали про трагическую гибель малыша из России? Не хотел об этом говорить, чтобы не накликал на «Богему» новых несчастий, но, согласитесь: смерть в первый день – ужасное начало для фестиваля.

– Да, мы в курсе, – кивнул Паскаль, поворачивая голову в мою сторону. – А наши гости, в частности Ален, умудрились обнаружить тело.

Жак немедленно уставился на меня, вытаращив глаз.

– Как вам это удалось?.. Хотя, впрочем, все достаточно просто объяснить: вы решили прогуляться по набережной и вдруг увидели... Брр! Надеюсь, все это не слишком вас напугало?

Я бодро улыбнулся.

– Нас не так просто напугать, Жак. Тем более со мной была моя девушка – вместе мы выдержали этот удар. К тому же Савелий просто сидел с деревянным шелкунчиком в руках – вот и все.

– С деревянным шелкунчиком! – трагически изогнул брови Жак. – Бог мой, это ведь мой подарок! Я, признаться, с первого дня отметил несомненный талант парня, потому сразу же предложил именно ему выступить на открытии. А когда парень выступил, я первым встретил его за кулисами и торжественно вручил сувенир на память – настоящий шелкунчик, доставшийся мне в наследство от бабушки из Ношателя.

Сами понимаете, это был удобный момент, чтобы расспросить Жака относительно того, как решился вопрос с проживанием Савелия, и я не замедлил им воспользоваться.

– Вы знаете, Жак, мы с Соней познакомились с Савелием в дороге – ехали вместе в поезде из Женевы в Монтре. Парень рассказал нам о своем бедственном положении, у него совсем не было денег. Вы, случайно, не в курсе, где ночевал Савелий и куда собирался идти после открытия?

Жак нарочито громко вздохнул.

– Увы, наш славный Савелий не оплатил пребывание здесь во время фестиваля. И сразу по приезде он сообщил мне, как и вам, о своей проблеме: нет денег! Нет денег на оплату самого дешевого отеля, нет денег на питание, даже на чашечку кофе! Признаться, меня все это поразило. Да, я слышал, что в России много проблем, но чтобы талантливый танцор отправлялся на фестиваль без гроша в кармане...

Он печально покачал головой.

– Горжусь тем, что я все-таки смог помочь Савелию, хотя это не входило в мои обязанности. Я разрешил ему ночевать в хореографической студии. Там вполне уютно, можно спать на диванчике в раздевалке, а я принес из дома пару замечательных пледов.

– Стало быть, он ночевал в студии?

– Конечно! И был очень этим доволен.

– А почему тогда...

Я не успел договорить – у Жака зазвенел мобильник. Отрывистое приветствие, пара фраз, и, дав отбой, он с важным видом развернулся к нам.

– Итак, у нас в славном Монтре – ужасное убийство, уважаемые господа! А потому меня, как главного организатора фестиваля «Богема», участником которого был убитый Савелий, вызывает полиция. На допрос! Никто не желает отправиться со мной, за компанию?

Мы встретили шутку веселыми смешками, пожелали Жаку успеха и, расплатившись за кофе, отправились домой.

Всего на экскурсию на базарчик у нас ушло сорок минут. Прибыв домой, мы обнаружили проснувшуюся Соню: сладко зевая, она сидела за столиком на террасе, попивая кофе и улыбаясь каким-то своим мирным мыслям.

– Наконец-то! – проговорила она, завидев нас и сладко потягиваясь. – Куда это вы все исчезли с утра пораньше? Я, признаться, подумала, что вас всех неожиданно вызвали в полицию по поводу убийства бедняги Савелия.

– Ну, мы с Паскалем не имеем отношения к этому ужасному преступлению, так что, увы, ничем не можем помочь следствию...

Мари, произнося свою реплику, подкатила тележки к холодильнику, распахнула дверцу и начала неторопливо распределять покупки по полочкам и отделениям.

– Предлагаю вернуться к более приятной теме. Итак, дорогая Соня, сегодня ровно в два – открытие вашей сенсационной выставки?..

В этот момент мне впору было тихо сесть в уголок и попытаться отключиться от реальности в благой нирване. Дело в том, что художественные творения Сони всю сознательную жизнь для меня, грешного, искусство непостижимое. Именно потому я стараюсь с ней и ее верными поклонниками эту тему не обсуждать – живее буду, потому как Соня за каждый свой самый жуткий, на мой взгляд, шедевр запросто может придушить.

На время обсуждения Мари и Сони высокой темы Сониной живописи я вышел в сад послушать пение птиц, насладиться ласковым весенним солнцем, а заодно неторопливо обдумать план дальнейших мероприятий.

Глава 5. По пути к Шильону

Между тем открытие Сониной выставки заранее ожидалось, как некая великая сенсация. Последние ее полотна относились к категории «ужастиков». Представьте себе: красивая, милая и вполне благополучная Соня, проживающая в симпатичнейшем шале в зеленой зоне Москвы, создает картины, очень далекие от житейской гармонии и мирных красок бытия. Уж про них точно не скажешь, что «эти полотна радуют глаз» – все с точностью до наоборот.

То она малевала отдельные органы человеческого тела, извлеченные патологоанатомом в одном из городских моргов столицы, то вдруг начинала видеть мир в неуправляемых линиях багровых оттенков, а то персонажи полотен превращались у нее в диковинные, не совсем пропорциональные создания с тоскливыми глазами.

На этот раз Соня обустроила свою выставку в подвале Шильонского замка – там, где когда-то проводил свои дни в неволе знаменитый Бонивар. Дав парочку интервью накануне открытия, она небрежно отметила, что данная выставка – плод ее потрясения от балета Стравинского «Весна священная», который с самого своего рождения имеет славу скандального и далеко не каждому понятного. Как некогда судьба Бонивара сподобила Байрона создать гениальную поэму «Шильонский узник», так и ее, скромную Соню Дижон, великий балет вдохновил на серию картин под тем же названием – «Весна священная».

Признаться, я рискнул взглянуть одним глазком на главный шедевр данной выставки под названием «Избранница». Полотно можно описать следующим образом: главная героиня – девица, которую заготовили в жертву своим богам злыдни-язычники, жутко костлявая и непристойно полуобнаженная, скрючившись, лежала на камне, и все ее по-мужицки мускулистое тело в рваной робе было то ли перепачкано чем-то багровым, то ли просто с него уже успели содрать кожу. При этом на макушке избранницы ее буйные лохмы были вполне по-современному собраны в роскошный конский хвост, а на лице кривилась таинственная ухмылка. Сами понимаете, что второй глаз я открывать воздержался.

Два дня после нашего приезда в Монтре моя Соня в буквальном смысле слова не вылезала из темниц замка, эффектно устраивая каждое полотно у изножья мрачных колонн и в каменных нишах с использованием разнообразной подсветки в самых неожиданных местах. Когда все было готово к открытию, великая художница довольно потирала руки: «Вот увидишь, как всегда, о моей выставке будут кричать все газеты и журналы. Не зря меня прозвали Соня Шок». Само собой, с этим я согласился.

Я взглянул на часы на своем запястье – стрелки показывали двенадцать сорок семь. Открытие выставки – через с час с лишним, стало быть, сейчас Соня отправится в замок, чтобы быть на месте заранее и еще раз все проверить-перепроверить, под финиш пару раз стукнув кулачком по дереву. Разумеется, я буду сопровождать свою дорогую подругу, а в таком случае...

– Дорогой, ты готов идти?

– Всегда готов!

Все было точно по моему предсказанию. Я вернулся в дом, обнял Соню, поцеловал ее в щечку, махнув рукой Паскалю и Мари:

– До встречи в Шильоне!

– До встречи, дорогие!..

День продолжался. Мы с Соней неторопливо брели по аллее набережной к знаменитому замку. Тридцать минут пешеходной прогулки, и достигнем замка, окунувшись в волне-

ние и заботы выставки, а пока что у нас было время, щурясь на солнышке, мирно обсудить последние новости.

– Между прочим, сегодня, как только проснулась, я тут же вспомнила наш ночной допрос в полиции и припомнила все детали. И знаешь, что мне пришло в голову?

Соня неторопливо шла, подставив огромные черные очки в пол-лица нежным лучам солнца, улыбаясь своим мыслям, которые пришли к ней в голову поутру и которые она теперь собиралась изложить мне.

– Понятия не имею, дорогая, но было бы интересно это услышать.

– Так слушай. Помнишь, ведь этот Савелий сидел на лавке в полном облачении Щелкунчика, словно только что сошел со сцены.

– Ну да.

Она мудро вздернула бровь.

– Разве это не странно? Ведь после его выступления и раздачи автографов прошел едва ли не целый час! Его презентация успешно состоялась, на сцене продолжались выступления других исполнителей. Согласись, если даже он еще не собирался отправляться спать, ему нужно было по крайней мере переодеться, принять душ. Между тем он вдруг оказался в стороне от места проведения фестиваля все в том же в костюме Щелкунчика. Неужели парень ни грамма не вспотел?

Елки-палки, и в самом деле! При всей своей бедности Савелий прибыл в Монтре, одетый, как все цивилизованные люди – в джинсах и водолазке. В таком случае в них же он мог облачиться после выступления.

Я усмехнулся. Между тем на лице Сони прописными буквами было написано: она знает, в чем причина! Ну, или практически знает.

– Давай, колись, дорогая, что там еще пришло тебе в голову относительно пропахшего потом Савелия?

Соня неторопливо кивнула с самым важным видом.

– В мою голову пришло одно воспоминание. Когда Савелий спустился со сцены, его окружила целая толпа восторженных поклонников с программками фестиваля для автографа. Среди них была одна очень интересная девица: русская, без комплексов и с фотокамерой на груди. Не припоминаешь?

Между прочим, эту личность я тут же припомнил. Как только Соня произнесла «очень интересная девица», передо мной мгновенно нарисовалась симпатичная, немного полноватая девушка в джинсах и толстовке, с профессиональной фотокамерой на груди. Конечно, я понятия не имел, кто она по национальности, но раз Соня назвала ее русской, стало быть, на то у нее были основания.

Я кивнул, уставившись на Соню в ожидании продолжения.

– Помню девушку с камерой. Не уверен, что она – девушка без комплексов, но...

– Просто поверь мне на слово, – прервала меня Соня с мудрой улыбкой человека бывалого. – Но сейчас разговор не про ее отсутствующие комплексы, а о том, что она, вцепившись в Савелия обеими руками, что-то ему нашептывала, и он слушал ее с самой счастливой улыбкой на лице... А теперь проверим твою сообразительность: о чем тебе это говорит?

Я с интересом посмотрел на Соню.

– Это говорит о том, что ты, как минимум, права насчет того, что девица – из русских. В противном случае она не могла бы нашептывать Савелию что-то, вызвавшее у него счастливую улыбку, – ведь мы с тобой прекрасно знаем, что парень понимал только по-русски.

– Соображаешь! – хмыкнула Соня. – Ну, а то, что у девчонки болталась фотокамера на груди, говорит о том, что она, вполне возможно, профессиональный фотограф или просто журналист, а потому вполне могла предложить Савелию провести фотосессию – тут же, на набережной.

Признаюсь, при этих словах я в самом буквальном смысле слова замер на месте. Елки-палки, а ведь и правда! Теплая ночь, фонари, диковинные деревья набережной, огромная луна в небе и – парень на скамейке в костюме Щелкунчика. Чем не идея для практически гениальной фотосесии? И если на нее Савелия Уткина пригласила некая русская девушка, то...

– Понимаешь? – произнесла Соня таинственным полупшепотом, слегка сдвинув черные очки и взглянув на меня синими глазами. – Ведь в таком случае она должна была быть на набережной, рядом с Савелием! И если не сама сделала ему смертельную инъекцию, то вполне могла видеть того, кто это сделал.

Пару секунд мы смотрели друг на друга.

– Соня, ты – гений!

Я поцеловал подругу, и мы продолжили наш путь.

– Что ж, пожалуй, пока тебя будут одолевать восторженные поклонники, я займусь розыском одной русской девушки. Кстати, волнующе звучит: «Смертельная фотосессия». Надо будет подбросить журналистам...

Глава 6. «Весна священная» в Шильоне

Открытие и сама выставка Сони прошли, как и ожидалось, с большим успехом. При этом следует отметить, что она была одной из многих – в этот день в Шильоне полотнами художников со всего света были увешаны практически все залы и переходы замка. И тем не менее каждый желающий мог без труда заметить невооруженным взглядом: «Весна священная» Сони Дижон лидировала по числу посетителей, которые первым делом дружно направлялись ко входу в подземелье, где их торжественно встречали старцы в длиннополых рясах. Как пояснила мне продвинутая в области балета Мари, то были персонажи «Весны священной» – те самые беспощадные жрецы, что приносили в жертву невинных девиц.

На выставке роль старцев была много проще и гуманнее – они раздавали всем совершеннолетним посетителям выставки бокалы с прохладным шампанским, дабы поднять тонус перед просмотром шедевров в таинственном полумраке подземелья. С бокалами в руках взволнованный народ спускался по каменным ступеням и под скрипичные истерики бессмертной музыки Стравинского наслаждался вечным искусством Сони Дижон.

Сами понимаете, я, полный неуч и в живописи, и в балете, не видел смысла спускаться в подвал, а потому просто составлял Соне компанию, прохладяясь за столиком кафе в залитом солнцем внутреннем дворе замка. Данная позиция давала мне возможность ненавязчиво наблюдать за посетителями и терпеливо ожидать появления нашей с Соней «русской журналистки». Я ждал, беспечно жмурясь на солнце, в сто первый раз делая сто раз до меня сделанное открытие: как мало нужно для счастья! Солнце, ясное небо и возможность никуда не торопиться.

Между тем, на радость Соне, гости все прибывали. Целыми семьями и группами благополучные швейцарцы и туристы со всего света, радостно переговариваясь и умиляясь длиннобородым старцам, принимали из их рук веселящий напиток, после чего отправлялись на выставку – пощекотать свои слишком расслабленные от сытой мирной жизни нервы. После осмотра они появлялись из дверей в противоположной части двора, и уж здесь в уютно обустроенном кафе их встречала сама Соня в моей скромной компании и в компании присоединившихся к нам чуть позже Мари и Паскаля. Посетители выставки дружно выражали свое восхищение и восторг сердечный, жали руку творцу и получали от нее личный автограф.

Так мы сидели за столиком кафе в течение почти трех часов. Соня, Мари и Паскаль, полные сил и энергии, бесконечно вещали о вечном: о великой силе искусства в целом и конкретно – о гении четверки Стравинский – Нижинский – Рерих – Дягилев, создавшей великий балет, вызвавший в свое время великий шок у Европы и вдохновивший в наши дни Соню Дижон на потрясающую выставку бессмертных полотен.

Почти под самый финиш перед нами появился довольно-таки экзотический персонаж – невысокий худощавый блондин с буйным хвостом из скрученных в африканские косички волос на затылке. Как только эта русоголовая копия Боба Марли приблизилась к нашему столику, как Паскаль живо подскочил, чтобы восторженно представить юнца публике.

– Друзья, нам повезло! – Он слегка поклонился в сторону парня, сохранявшего на лице высокомерную полуулыбку законченного сноба. – Позвольте представить вам воспитанника Парижской балетной школы, лучшего ученика моего товарища детских лет Марсея Брюно – юный и талантливый Алекс Мону! Могу заранее предсказать, что Алекс наверняка станет главной звездой сегодняшнего вечера, потому как, повторюсь, он – лучший воспитанник школы Марсея.

При последних словах сноб Алекс позволил себе более-менее приветливо улыбнуться. Впрочем, он тут же оставил Паскаля за спиной, развернувшись своим поджарым тельцем к Соне.

– Вы – Соня Дижон?

– Да, это я, приятно познакомиться. Вижу, вы побывали на моей выставке, Алекс. Какие впечатления?

Лучший ученик парижской школы неторопливо уселся за столик, эффектно закинув ногу на ногу.

– Все просто потрясающе. Я специально решил подойти к вам, мадам, чтобы лично пригласить на сегодняшнюю балетную программу на набережной. Мое выступление откроет программу второго дня. Уверен, лично для вас оно станет настоящим сюрпризом, точно так же, как для меня неожиданным и весьма приятным сюрпризом стала ваша выставка.

– В самом деле? Непременно приду. Полагаю, вы, как и я, поклонник Стравинского и его великого балета...

Сами понимаете, Алену Муар-Петрухину в этих возвышенных диалогах места не было, что меня несколько не трогало: у меня была своя цель. Я ждал. Рассказ Сони о девице, нашептывавшей что-то на ухо Савелию Уткину примерно за час до его блаженной смерти, меня заинтересовал, а потому мне просто не терпелось поскорее поймать оную девицу за подол. Ну, а в том, что она должна явиться на выставку Сони Дижон, я ни грамма не сомневался – девица явно была одной из многочисленных журналисток, и уж если она явилась на открытие фестиваля, значит, будет освещать каждый его день, не пропуская никаких ярких событий, к которым, безусловно, относилась и выставка «Весна Священная».

Кто ждет, тот дождется – прошу причислить данное высказывание к моим классическим цитатам. Я действительно дождался: та самая девушка, в тех же самых джинсах, толстовке и джинсовой курточке, с фотокамерой на груди, заявила на выставку ближе к ее закрытию. Увидев, как она берет на входе свой бокал и улыбается старцам, я весь подобрался: есть!

Отмечу сразу: ждать мне пришлось совсем недолго – по всей видимости, та, кого я ждал, не осматривала влюбленно каждое полотно, вздыхая и охая, но проскакала галопом по подземелью, с облегчением завидев в его конце свет и радостно присоединившись к нам.

Глава 7. Русская, несчастная, закомплексованная

Мне повезло, объект моих ожиданий, приветствовав Соню и сделав ее творчеству пару сдержанных комплиментов, поспешила устроиться за столик по соседству с моим и даже приветливо мне улыбнулась – чисто как соседу.

– Salut!

Разумеется, она приняла меня за одного из местных, но я, обаятельно улыбнувшись, поспешил расставить все точки на *i* и заодно ненавязчиво познакомиться с интересующей меня особой.

– Я мог бы точно так же поприветствовать вас на французском. Но ведь мы с вами оба русские, не правда ли?

Она немедленно вздернула бровь, обиженно поджав губки.

– Вы разбудили во мне старые комплексы. Неужели невооруженным взглядом видно, что я – русская?

Один промах Сони! «Без комплексов» – это была ее характеристика. Между тем девушка сама отметила, что этих самых комплексов у нее – воз и маленькая тележка. Я невольно усмехнулся. Странные создания – женщины. Только представьте себе миловидную девицу с глазами дикой лани в пол-лица и блестящими, чуть выющимися волосами до плеч дивного цвета шоколада, которая печально изрекает о «разбуженных комплексах»! В таком случае нам, сильной половине человечества, лучше и близко не подходить к зеркалу.

Я успокаивающе махнул рукой.

– Усыпите ваши комплексы! Все гораздо проще. Моя подруга Соня Дижон, – тут я кивнул в сторону вещающей о высоком Сони, – кстати, тоже наполовину русская, хотя в программе участников представлена, как швейцарка, – так вот, Соня видела вчера, как вы что-то нашептывали Савелию Уткину после его успешного выступления. Между тем мы точно знаем, что Савелий мог изъясняться только на русском. Стало быть, вы шептали ему по-русски, а потому тоже русская. И, между прочим, лично мне очень интересно – что конкретно вы ему сообщали?

Девушка немедленно пересела за мой столик и посмотрела на меня, что называется, с неподдельным интересом.

– Так-так-так, – произнесла наконец с довольной улыбкой. – Это уже очень даже интересно! Но предлагаю для начала познакомиться. Позвольте представиться, меня зовут Рита Ошенко. А вас?

– Ален. Ален Муар-Петрухин, москвич-полукровка. Я, кстати, простой турист, а вот вы, полагаю, журналист?

– Совершенно точно – работаю на один толстый русский журнал, в Монтре приехала для освещения новорожденного фестиваля. И, между прочим, сегодня с утра, как только узнала о смерти Уткина, я первым делом направились в полицию, чтобы получить минимальную информацию для публикации.

Она сняла с груди фотокамеру и убрала ее в кофр.

– К тому времени, как я явилась, у полицейского участка уже толпились собратья по перу, бурно обсуждая новость-сенсацию: ночью произошло убийство препаратом «Волшебный сон»! Надо сказать, год назад эта таинственно пропавшая вакцина, равно как и дело доктора Плиса, в целом занимали первые полосы всех газет Швейцарии, полагаю, вы в курсе?

Я кивнул.

– В курсе. Прошу вас, продолжайте.

– Вскоре к нам вышел комиссар и сделал достаточно краткое заявление, умолчав о препарате Плиса. Его речь звучала примерно так: «На набережной Монтре сегодня ночью обна-

ружен труп русского танцовщика Савелия Уткина. В настоящее время судмедэксперт проводит свои работы. Как только станут известны конкретные факты, мы сделаем заявление».

Она произнесла монолог Криссуа его голосом, заставив меня со смехом поаплодировать своим актерским способностям. С улыбкой поклонившись, Рита продолжила свой рассказ:

– Поль Шуке из «Женевских новостей» крикнул: «Комиссар, говорят, причина смерти – препарат «Волшебный сон», бесследно пропавший год назад! Это правда?» Бедняга комиссар мгновенно нахмурился: «Без комментариев! Я сообщил вам всю имеющуюся на данный момент информацию. Прошу расходиться». Но, собственно, его подтверждение никому особо не было нужно. «Зловещее возвращение препарата Плиса» – так называется утренняя статья в газете «Утро». И это возвращение на сегодня – уже свершившийся факт. Кстати, комиссар также сообщил, что тело Уткина обнаружила некая пара русских туристов...

Тут Рита хитро прищурилась и с особым интересом осмотрела меня, что называется, с головы до ног.

– Бог мой! Отчего-то мне кажется, этой парой туристов и были вы с вашей Соней. Я права?

Ей-богу, эта девушка мне нравилась. Мало того, что она умудрилась нагрузить меня кучей информации, при этом так и не соизволив ответить на мой конкретный вопрос, так теперь, по всей видимости, она собиралась выудить из меня максимум информации для своей сенсационной статьи.

Я усмехнулся.

– Вы чрезвычайно догадливы, Рита. И все-таки позволю себе повторить свой скромный вопрос: что же все-таки вы нашептывали Савелию Уткину примерно за час до его смерти? Почему он вас радостно обнял в ответ? Прошу отвечать, не уваливая, и говорить правду, правду и только правду.

Рита весело расхохоталась.

– Ну почему вы такой упрямый! Ведь я могу сделать вас главным героем статьи, которую немедленно переведут на французский, итальянский и немецкий языки, опубликуют во всех основных газетах Швейцарии. Подумайте: неужели нет желания стать героем дня? Ведь я очень живо опишу все ваши эмоции при виде ужасной находки – труп на скамейке, черная улыбка смерти...

Я, сохраняя на лице благожелательную улыбку, кивнул.

– Вполне возможно, верю вам на слово. И все-таки давайте в очередной раз попробуем вернуться к моему вопросу. Итак, вы вплотную подобрались к Савелию Уткину, окруженному восторженной толпой поклонников, и начали что-то нашептывать ему на ухо... Что?

Рита наклонилась ко мне с таинственной улыбкой.

– Сказать по правде, ничего особенного и ничего, что отличалось бы от выкриков вокруг него. Вот только все это я произнесла на родном для Уткина языке – на русском, в то время как все кругом выражали свои восторги и выкрикивали комплименты на французском. Я просто наклонилась к самому уху парня и прошептала: «Позвольте послужить добровольным переводчиком, чтобы вы имели восхищенные отзывы о вашем потрясающем выступлении». И я все перевела, под конец заверив, что и сама присоединяюсь к этим восторгам. В ответ Савелий Уткин благодарно меня обнял... Вы разочарованы?

Я лишь пожал плечами.

– Возможно, я действительно слегка разочарован. Согласитесь, было бы намного интереснее, если бы вы, к примеру, рассказали мне о том, что предложили Савелию провести импровизированную фотосессию под звездами на набережной... Довольно странно, кстати, что эта идея и на самом деле не пришла вам в голову – ведь на груди у вас болталась фотокамера.

Рита резко вздернула бровь.

– Действительно странно, что эта идея не пришла мне в голову. Ведь в таком случае я вполне могла бы увидеть убийцу Уткина, не так ли? Или вы хотите сказать, что зловещий убийца – это я и есть?

Каюсь, я малость подурчился: отчаянно вытаращил глаза и что есть сил замахал обеими руками.

– Да что вы такое говорите! Мне это и в голову не приходило: такая милая девушка и вдруг – убийца! – Я тяжело вздохнул, откинувшись на спинку стула. – Но идея фотосессии, отчего-то мне кажется, все-таки должна была прийти вам в голову. Этим и можно было бы объяснить, почему убитый оказался на набережной в костюме шелкунчика.

На секунду моя собеседница задумалась.

– Возможно, в чем-то вы правы, – наконец-то усмехнулась она. – Сама по себе идея неплохая и вполне могла посетить меня. Но тут есть одно обстоятельство – мой благоверный...

Она горестно усмехнулась.

– Дело в том, Ален, что я – замужняя дама, а мой швейцарский муж страдает перманентными приступами патологической ревности, ревнуя меня ко всем и ко всему, в том числе и к моей работе. А потому буквально за две минуты до окончания выступления Уткина Анри позвонил, напрочь испортив мне настроение требованием немедленно возвращаться домой. В одно мгновение я ощутила себя самой несчастной неудачницей в мире. Кстати сказать, я и к Савелию рванула через толпу по той же самой причине: переводя парню восторженные отклики в его адрес, я в какой-то мере внушала самой себе уверенность.

Что ж, этому объяснению вполне можно было поверить, как ни заманчиво было бы услышать от девушки нечто совсем другое. Я меланхолично улыбнулся, наблюдая, как Соня горячо пожимает руку какому-то толстяку в круглых очках.

– Итак, стало быть, вы перевели Савелию Уткину все комплименты в его адрес, восстановили уверенность в собственных силах и отправились к мужу. Кстати, а где вы проживаете?

Рита смотрела на меня с легкой усмешкой.

– Да, все происходило именно так. Я поднялась к улице Мира, где была припаркована моя машина, села и отправилась домой. Отвечаю и на ваш второй вопрос. Мы с мужем проживаем в славном городе Лозанна по адресу: улица Пикассо, тринадцать, апартаменты номер пять, второй этаж. Двадцать минут – и я была дома и выслушивала отповедь мужа вживую.

Пару минут мы сидели молча, рассеянно слушая, как Соня рассказывает вновь прибывшей порции своих почитателей о том, что конкретно вдохновило ее на столь волнующие полотна.

– ...Это просто сумасшедшая энергия! На мгновение попытайтесь представить себе эру язычества, когда люди во всем видели живую силу и все обожествляли – небо и дождь, землю и камни на ней; они молили о милости своих богов и приносили им в жертву живую кровь рода...

Я вновь повернулся к Рите.

– На всякий пожарный поинтересуюсь: поднимаясь к месту парковки вашего автомобиля, вы, случайно, никого не встретили?

Она с улыбкой покачала головой.

– Увы! Не встретила ни единую зловещую личность со шприцом в трясущихся руках. Просто никого не встретила. Улицы были пустынные: население либо спало, либо находилась на набережной, перед сценой. Кстати сказать, полагаю, комиссар сегодня к вечеру разродится наконец давно всем известной информацией о причине смерти Савелия Уткина. На мой взгляд, это глупо скрывать.

Я пожал плечами.

– Понятия не имею. Быть может, он будет хранить молчание.

Рита задумчиво улыбнулась.

– Криссуа дважды повторил, что судмедэксперт только-только приступил к своей работе. Все новые сведения комиссар обещал официально сообщить прессе сегодня после пяти вечера.

Проговорив последнюю фразу, она взглянула на свои часы и решительно поднялась, повесив на плечо кофр с фотокамерой.

– Итак, полагаю, ваш допрос окончен, а я свободна? Мне и в самом деле пора: нужно успеть перекусить где-нибудь в городе и бегом бежать к полицейскому участку. Увидимся сегодня вечером. Кстати, я слышала, второй день конкурса хотят открыть минутой молчания в память Савелия Уткина. Придете?

– Непременно!

– Тогда еще раз – до встречи!

И она ушла, неожиданно тепло улыбнувшись на прощанье, так что я невольно ощутил стыд за свой «допрос».

– Как ты засмотрелся чужой дивчине вслед, – тут же раздался у меня за спиной насмешливый голос Сони.

Я взглянул на подругу, иронически вздернув бровь. Ну, разумеется! Сама Соня может кокетничать, дарить автографы и принимать цветы от всех мачо мира, а вот я, находясь при ее священной особе, должен видеть ее одну – извечную и первозданную Еву из левого ребра Адама.

– Ошибаетесь, ваше величество, круглые сутки я вижу только вас, даже затылком. А сейчас осмелюсь пригласить вас пообедать, чтобы набраться сил перед вечерним балетным шоу.

Соня весело рассмеялась. К этому моменту Паскаль и Мари распрощались со своими знакомыми и присоединились к нам.

– Выставку закроют примерно через час, – сообщила Мари, подкрашивая губы. – А какие у вас планы на вечер?

Соня весело сообщила, что наши планы на сегодня остаются без изменения: даже яростный ненавистник балета Ален собирается стать зрителем второго дня балетного конкурса под открытым небом, который наверняка соберет рекордное число посетителей. Еще бы! Таинственное убийство в первый день открытия, а плюс ко всему – суббота, первый выходной.

– Итак, все просто замечательно, – констатировал Паскаль, восторженно взмахнув руками. – Балет – величайшее из искусств, вдохновляющее и дарящее нам невиданные силы. Вперед, друзья! Нам стоит как следует заправиться перед вечерним свиданием с искусством Терпсихоры.

Глава 8. Новые знакомства в славном Монтре

Когда-то в далеком детстве, которое лично для меня осталось в памяти, как бесконечное жаркое лето в деревне у любимой бабули Варвары, мне часто приходилось слышать от взрослых сравнение жизни то с зеброй, то с матросской тельняшкой: черную полосу обязательно сменяет белая, после череды неприятностей непременно следуют радостные события.

«Все в жизни поделено ровненько, – улыбалась баба Варя, мотая бесконечные клубки разноцветной шерсти. – Ночь сменяется днем, день – ночью, холодной зиме приходит на смену теплая весна. И плохое обязательно тает, исчезает, уступив дорожку доброму и светлomu. Только надо быть сильным, нюни не пускать, стойко стоять – как оловянный солдатик!»

Признаться, до нашей поездки на фестиваль в Монтре у меня был очень непростой период, который смело можно окрестить «черной полоской» на тельняшке моей жизни: неприятности на работе, бесконечные разборки с сестрой...

Плюс ко всему синеглазая красавица Соня словно бы проверяла меня на прочность, то озадачивая вопросом по телефону «В чем смысл жизни?», то изводя напоминаниями о том, как в дни нашей юности беспечной я сам предложил ей, влюбленной в меня по уши, немного «пожить на свободе», не спеша соединиться узами Гименея. С тех самых пор мы с ней и живем каждый сам по себе; моя подруга периодически влюбляется в совершенно посторонних мужчин, а в итоге мне, слабому смертному, пожиная плоды собственных грехов, порой хочется выть на луну.

Но все проходит, прошла и эта черная полоса. Однажды апрельским утром я проснулся и, любуясь первыми весенними лучами солнца, дал себе зарок: несмотря ни на что – улыбаюсь, ни на кого не злюсь, не матерюсь, а как только захочется выразить свои чувства пятиэтажным ненормативом, начну вместо этого распевать мантры. Я даже выучил одну, самую короткую.

Вот тогда мне и позвонила Соня. Неожиданно попросив у меня прощения за свое несносное поведение, она предложила сопровождать ее на фестиваль в Монтре. Разумеется, я немедленно согласился. С тех пор в моей жизни началась самая жирная и прекрасная белая полоса.

Устраиваясь вечером семнадцатого апреля в компании Сони на террасе ресторана неподалеку от гигантского помоста, где вскоре должен был открыться второй день балетного конкурса, я мысленно отметил: шел четвертый день моего счастливого бытия.

– Мой дорогой Ален, в настоящий момент перед тобой сидит не просто Соня Дижон, но самая счастливая женщина и художница современности!

Это была первая реплика Сони, едва мы устроились за столиком и сделали заказ. В каком-то смысле ее слова продублировали и мое состояние.

– Аналогично, – я послал подруге воздушный поцелуй. – У меня давно не было такого состояния, которое я бы назвал «перманентное блаженство». А если к этому добавить, что сейчас мы с тобой отведаем замечательные швейцарские колбаски под забавным названием кнакерли...

– Не своди все чисто к животным удовольствиям, – погрозила мне Соня пальчиком. – Ты прекрасно понял, что я хотела сказать: я чертовски довольна, что открытие моей выставки, в которую я вложила столько сил и души, прошло просто замечательно. Сама директриса Шильона сообщила мне, что посещаемость моей выставки в несколько раз превысила посещение остальных, несмотря на то, что они размещались в светлых и просторных залах с прекрасной обстановкой рыцарских времен.

Тут Соня, не удержавшись, даже пару раз хлопнула в ладоши, аплодируя себе самой, гениальной и неповторимой.

– Я – победитель! Хотя, как гласят правила фестиваля, в нем официальных победителей нет, побеждает искусство, и потому лучшая награда участникам – признание зрителей. Так вот, милый: меня признали, чем я и горжусь!

К окончанию ее реплики принесли наш заказ, и мы знатно отобедали, причем отдельно хочу отметить, что Соня, хоть и упрекала меня за сведение смысла жизни к утробным радостям, получила от швейцарской кулинарии не меньшее удовольствие, чем от успеха своей выставки. На десерт мы заказали пирожные и добрый славный коктейль «Монако», бесплатным приложением к которому стала журналистка Рита, неожиданно нарисовавшаяся перед нами и без приглашения бухнувшаяся на свободный стул возле нашего столика.

– Добрый вечер, мои уважаемые. Прошу позволить мне нарушить ваше симпатичное уединение по вполне уважительной причине: только что в очередной раз вдрызг разругалась по телефону со своим супругом... Что вы заказали – «Монако»? Пожалуй, и мне того же!

И наша гостя с нарочитым вызовом щелкнула официанту пальчиками.

Признаться, я был слегка удивлен и неожиданным появлением своей сегодняшней знакомой, и ее, скажем так, непосредственностью. Однако моя красавица Соня была сыта и настолько довольна собой и миром, что неожиданное появление новой особы ее только позабавило.

– Привет-привет! Вы были сегодня на моей выставке, и вас сурово допросил мой Ален по поводу смерти несчастного Савелия, ведь так?

Рита перевела дух и попыталась улыбнуться.

– Ну, я бы не сказала, что допрос был суровый, к тому же, полагаю, в конце концов ваш Ален признал меня невиновной...

Она решительно взмахнула рукой.

– Предлагаю оставить криминальную тему! Гораздо интереснее сейчас обсудить предстоящий праздник балета, – тут она с таинственным видом усмехнулась. – Я сама слышала, как генеральный директор «Богемы» Жак Мюре буквально несколько минут назад именно так назвал второй день фестиваля: праздник балета. И главным его героем, по всей видимости, будет лучший воспитанник парижской школы балета – Алекс Мону.

Тут Рита развернулась к вальяжно прищурившейся Соне.

– Кстати, мне передали, что сегодня Алекс Мону лично посетил вашу выставку и произнес таинственный спич о некоем сюрпризе. Вы случайно не знаете, что конкретно он имел в виду?

Соня только пожала плечами, заинтересованно уставившись на таинственно улыбающуюся собеседницу.

– Не имею и малейшего понятия. А вот вы, судя по всему, в курсе. В таком случае колитесь!

Рита с довольным видом усмехнулась.

– С удовольствием расколуюсь, но для начала предлагаю перейти на «ты» – мы все примерно одного возраста, к чему нам «выкаты» друг другу, как на каком-нибудь светском приеме?

Мы с Соней немедленно согласились, и Рита под первый глоток «Монако», который нам как раз поднесли с блюдом превосходных профитролей, сообщила свои конфиденциальные сведения.

– Данную информацию мне сообщил конкурент Алекса и его личный враг – восемнадцатилетний Пьер ле Пе, выступление которого вошло в программу завтрашнего дня. Так вот, сегодня утром малыш Пьер сказал мне, что Мону готовит для выступления партию из балета «Весна священная». – Рита с важным видом прищурилась. – Вот почему он, прослы-

шав про твою, Соня, выставку под тем же названием, не поленился ее посетить и, я полагаю, остался доволен.

Она перевела взгляд с Сони на меня и обратно.

– Теперь вы знаете, примерно о каком сюрпризе он говорил, но именно что лишь примерно. Потому что сведения о том, какая именно партия из балета будет представлена – строжайшая тайна! Говорят, специально нанятый человек никого и близко не подпускал к репетиционному залу, когда там занимался француз... Кстати, у вас есть прекрасная возможность познакомиться с Пьером ле Пе прямо сейчас.

Произнося последнюю фразу, Рита уже приветственно махала кому-то рукой, явно приглашая к нашему столику. Мы не успели и глазом моргнуть, как перед нами нарисовалась не совсем обычная пара: невысокий мальчишка в чересчур узких джинсах-стреч и такой же узенькой курточке и приятный голубоглазый джентльмен в классическом офисном костюме, который при виде нас первым делом приветливо улыбнулся.

Мальчишка оглядел нас, встряхнул своими длинными каштановыми локонами и воскликнул высоким фальцетом:

– Приветствую всех! Рита, полагаю, нам с вами лучше заранее договориться об эксклюзивном интервью – клянусь, завтра я легко обойду Алекса со всей его сумасшедшей «Весной священной»!

Произнеся свою реплику, дерзкий высокомерно задрал нос, словно его триумфальное выступление давно позади, и настало время раздаривать автографы и бесконечные интервью.

Рита весело кивнула.

– Согласна, дорогой Пьер, но давай об этом чуть позже. А сейчас, позволь, я представлю тебя своим русским друзьям – Пьер ле Пе, лучший выпускник Лозаннской школы балета прошлого года, солист театра оперы и балета Лозанны и просто чертовски талантливый танцовщик, несомненно, один из героев нынешнего фестиваля, прошу любить и жаловать!..

Тут Рита с легким полупоклоном развернулась к нам с Соней.

– Пьер, позволь представить тебе талантливую художницу Соню Дижон, чья выставка с успехом открылась сегодня в Шильонском замке, а также ее друга – Алена Муар-Петрухина, поклонника искусств... Теперь твоя очередь, Пьер, представить нам своего спутника.

Пьер и рта не успел открыть, как его компаньон, еще раз всем улыбнувшись, поспешил сам себя представить:

– Полагаю, я, как и Алэн, могу назвать себя скромным поклонником искусств – простой смертный, отнюдь не богема, всего лишь дядя Пьера, скромный нотариус из Веве Саша Мерсье – именно такой вариант имени, просто Саша, не Александр. – Он смущенно усмехнулся. – Приятно познакомиться! Полагаю, вы позволите нам присесть за ваш столик?..

Все, весело смеясь и обмениваясь репликами, расселись; вновь подозвав официанта, мы сделали очередной заказ: всем – по «Монако» и только малышу Пьеру – молочный безалкогольный коктейль.

– Я сознательно не признаю любой алкоголь, – вставил свою очередную высокомерную реплику несносный Пьер. – И вовсе не потому, что я – профессиональный танцор балета. К примеру, Алекс, как мне говорили очень компетентные люди из его ближайшего окружения, чуть ли не каждый день литрами хлещет и вино, и коньяк, и даже, можете себе представить, водку. Что касается меня, могу сказать: алкоголь – не для Пьера ле Пе. Я – поклонник гармонии во всем... .

Клянусь, уже через пять минут речей этого самовлюбленного сопляка я был готов придушить его собственными руками. Вот уж действительно все познается в сравнении: пообщавшись с выскочкой Пьером, я подумал, что на его фоне Савелий Уткин выглядит настоя-

щим душкой – по крайней мере парень и не думал себя нахваливать, он всего лишь плакался о финансовых проблемах.

Ситуацию спас дядя танцовщика. В определенный момент он ненавязчиво перебил Пьера, предложив погадать желающим по руке.

– Заранее прошу извинить меня за всевозможные огрехи и неточности, потому как я увлекся хиромантией совсем недавно и еще очень многого не знаю, – смеясь, заметил он, разворачиваясь первым делом к Рите. – Вы не против, если начну я свой гадательный опыт с вас?

Бедняжка Рита от неожиданности вздрогнула, подняла глаза и встретила взглядом с ярко-голубыми, как два озера, глазами нотариуса из Веве. Поверьте мне на слово: то был, что называется, наглядный пример любви с первого взгляда: пару секунд они молча смотрели друг на друга.

Первым взял себя в руки Саша.

– Итак, посмотрим, о чем расскажет нам ваша ладонь...

Он держал чуть дрожащую руку девушки очень бережно и нежно.

– Жизнь у вас будет долгая – линия спускается ниже запястья, очень ровная и четкая. У вас будет два брака и дети...

Он чуть наклонился к ее ладони, смущенно рассмеявшись.

– Лично я насчитал троих деток! Вот, пожалуй, и все – на том мои знания в области хиромантии завершаются. Полагаю, что могу также сказать: вы – счастливый человек! Поздравляю.

Рита смотрела на голубоглазого нотариуса с некой неопределенной, немного печальной улыбкой.

– Что ж, будем надеяться, что все именно так и будет, как вы мне только что предсказали. Особенно насчет троих детей, – она немного нервно рассмеялась. – При всем при том прошу заметить, что в случае неисполнения вашего предсказания я обращусь к адвокату, так и знайте.

– Могу даже посоветовать опытного адвоката в Лозанне...

Первым не выдержал хиромантии дяди вздорный племянник.

– Послушайте, дядя Саша, полагаю, всем будущим зрителями сегодняшнего балетного шоу пора отправляться и занимать места. Лично я собираюсь пройти в репетиционную студию и пожелать всем ребятам – кроме выскочки Алекса, разумеется, – успеха. Не хотите отправиться со мной?

– Честно говоря, нет, – решительно улыбнулся племяннику Саша. – Мой дорогой Пьер, моя помощь тебе не требуется, а поскольку я приехал сегодня, чтобы просто отдохнуть после трудовой недели, то, пожалуй, останусь в этой приятной компании... Надеюсь, никто не против?

Он оглядел своими голубыми озерами всех нас и, ободренный улыбками, помахал ладошкой Пьеру.

– Если что – будь на связи!

Все было просто чудесно. Мы еще немного посидели за нашим столиком, болтая ни о чем, потягивая коктейли и улыбаясь друг другу; затем также неторопливо направились вниз по набережной – к помосту, где уже горели огни эффектной подсветки, и оркестр настраивался, выводя мрачные пассажи «Весны священной».

Соня, которую я нежно обнимал за талию, наблюдая за чинно беседующими о чем-то Сашей и Ритой, шедшими впереди нас, вдруг щекотно прошептала мне на самое ухо: «Милый Алён, я так счастлива! А ты?»

Я только молча улыбнулся ей в ответ – порой не нужны слова, чтобы выразить и без того вполне очевидное: да, безусловно, в тот момент я был стопроцентно счастлив, и ни одно дурное предчувствие не тревожило мою душу.

Глава 9. Сюрпризы Алекса Мону

Отмечу сразу: в ту апрельскую субботу на набережной Монтре я впервые каждым волоском и каждой порой своего тела ощутил могучую силу настоящего искусства. Это не так просто объяснить, но я попробую.

Во-первых, как и сообщила нам Рита Ошенко, второй день балетного тура начался с минуты молчания в память несчастного Савелия Уткина. На сцену для данной миссии поднялся Жак Мюре в своей извечной кепке, которую, приблизившись к микрофону, он стянул с головы.

– Друзья, – проговорил Жак чуть дрогнувшим голосом. – Думаю, вы все знаете о трагической смерти русского танцовщика Савелия Уткина, который всех нас восхищал своим искусством только вчера. Предлагаю почтить его память минутой молчания. Вечная память Савелию!..

И весь импровизированный зал на набережной разом поднялся, выдохнув в унисон с голосом Жака: «Вечная память Савелию!» Несколько секунд во всем мире царила невероятная, звенящая тишина; и тут же все принялись с шумом рассаживаться по своим местам. После минуты молчания и началось таинство великого искусства Терпсихоры.

Повторюсь, я никогда не был особым поклонником балета, но, безусловно, получал удовольствие от чудесной музыки Чайковского – к примеру, от волшебных колокольчиков танца Феи Драже и прочих прелестей «Щелкунчика». Между тем «Весна священная» с самого своего рождения имела скандальную славу – начиная с триумфального дебюта-провала и завершая всеми попытками знаменитых хореографов мира внести свою лепту, представив балет в новом ключе.

Что ни говори, все в этом балете сложно для понимания простого смертного. Едва мы с Соней, встретившись в условном месте с Мари и Паскалем, устроились в переносных креслах бесчисленных рядов перед огромным помостом, как в мягких сумерках набережной зазвучали рваные пассаты музыки Стравинского, а у меня тут же недобро защемило сердце. Как хотите, но я вполне реально ощутил нечто разрушительно мощное и безжалостное – возможно, то был дух жесткого язычества Древней Руси?

– Первым выступает наш Алекс Мону, – раздался слева замороженный шепот Паскаля, и он даже слегка тыкнул меня в бок, чтобы я, профан, всецело сосредоточился на сцене. – Смотрите внимательно, Алекс – талантливейший танцор, нам повезло увидеть его выступление! Черт возьми, меня бьет озноб от священного волнения – хорошо, что я догадался надеть куртку и перчатки...

Между тем на подмостках мягко зажглись первые огни подсветки, и в их лучах в самом центре помоста сцены вдруг обрисовалась угловатая фигура в рваном платье, которая такими же рваными движениями под рваную музыку начала свой жутковатый танец в пространстве сцены в «компании» прыгающих и разбегающихся в разные стороны рваных теней.

– О, боже мой, да ведь Алекс исполняет партию девушки-Избранницы! – выдохнула на этот раз Соня справа, точно так же пихнув меня в бок. – Вот это действительно настоящий сюрприз!

Я внимательно всматривался в каждое движение Алекса Мону. Безусловно, парень все тщательно продумал: неровная подсветка, когда его тело то исчезало в полной тьме, то жутковато множилось гротескно увеличенными тенями; идеальное сочетание музыки и угловатых движений танца – все вместе создавало атмосферу ужаса и едва ли не паники, которую, очевидно, ощущала Избранница, которую вот-вот сородичи должны были принести в жертву своим идолам.

На пятнадцать минут партии едва ли не вся набережная, весь городок, казалось, онемели – под молчаливой луной и вечными звездами звучала и царствовала какофония Стравинского, а вся аудитория словно перестала дышать, замороженная магией дикого танца Алекса Мону.

– Магия, это самая настоящая магия! – замороженно прошептал Паскаль слева от меня, вздыхая.

С этим я готов был согласиться. Что ж, выходит, парень был прав, когда высокомерно задирает нос, говоря о своем шокирующем «сюрпризе»! Мне тут же припомнился и совсем недавний разговор с другим танцором – Пьером ле Пе из Лозанны, который заверял нас, что завтра легко переплюнет «высочку Мону». Не в силах оторвать взгляда от пульсирующего действия на сцене, я криво усмехнулся: вряд ли кто-либо сможет переплюнуть этого парня!

Сенсационная партия Избранницы завершилась почти на самом краю помоста – на мгновение тело Алекса жутковато свесилось со сцены, так что вся армия зрителей хором охнула, одновременно испуганно вскинув руки, чтобы «не дать» ему сорваться вниз. Мгновение затишья, потухший свет ramпы, когда только лунная дорожка освещала неясный абрис тела...

И тут же зажегся яркий свет, танцор вскочил, торжественно подняв обе руки к небесам, а звонкий голос ведущего выкрикнул: «Приветствуйте воспитанника Парижской студии балета Марсея Брюно – великолепного Алекса Мону, исполнившего партию Избранницы из знаменитого балета Игоря Стравинского «Весна священная»!».

Наша скромная компания была примерно в курсе сюрприза Мону, а вот для всей аудитории набережной это был настоящий шок: женскую партию блестяще исполнил мужчина! Пару секунд раздавались нестройные хлопки, вскрики, чей-то робкий свист; и тут же все дружно поднялись на ноги, взрывом оваций и восторженными криками приветствуя талантливого танцовщика.

– Он гениален! Он просто гениален! – бурно аплодируя, полупшепотом повторял Паскаль; при этом из его глаз безостановочно текли слезы. – Гениальный Алекс, истинный Избранник!

Да, с этим я мог стопроцентно согласиться. Бог мой, я, по собственной воле ни разу в жизни не посетивший ни одного балета, готов был присоединиться к восторженному плачу! Мое сердце ухало в бешеном темпе, а я и сам не смог бы объяснить, что ощущаю: восторг языческой энергии вперемежку со страхом смерти, страстное желание увидеть весь балет со всеми его персонажами и партиями?..

– Пойдем, мой дорогой, – Соня, шмыгнув носом, неожиданно подтолкнула меня к выходу, слово в слово повторяя мои собственные мысли. – Честное слово, после этого потрясающего выступления я не желаю ничего больше смотреть. Пусть смотрят другие, а мы с тобой лучше прогуляемся.

Между тем складные кресла импровизированного зала под открытым небом пустели – народ кинулся к сцене приветствовать гения. Все повторялось: как и в день триумфа Савелия, едва Алекс спустился со сцены, как его окружила восторженная толпа. Совершенно незнакомые люди тянули к взмыленному танцору свои руки, обнимали, целовали, протягивали листки для автографа. Ну, а блестящий от пота Алекс улыбался улыбкой усталого и абсолютно счастливого человека, который добился всего, чего желал.

В определенный момент в толпе восторженных лиц вдруг мелькнуло перекошенное лютой ненавистью лицо.

– О, боже мой! – с силой сжала мою руку Соня. – Посмотри! Это мальчишка ле Пе – похоже, он просто умирает от лютой зависти!

Мальчишка ле Пе стоял неподвижно в бушующем море поклонников Мону – пару секунд я видел его белое лицо, после чего он бесследно исчез, а я с облегчением перевел

взгляд на Алекса, который только успевал подписывать программки фестиваля. Наблюдая за его мимикой и телом в наряде непонятного грязного цвета, я сообщил Соне свое последнее открытие:

– Послушай, дорогая, а ведь я понял, что наш гениальный Алекс имел в виду, когда говорил тебе о сюрпризе! Посмотри: ведь он – полная копия твоей «Избранницы» – или как там называется главная картина твоей выставки, где на первом плане лежит мертвое тело девушки?

Соня пару секунд с изумлением смотрела на меня, а потом неожиданно радостно рассмеелась.

– Бог мой, дорогой Ален, а ведь ты прав! И как я сама не поняла? Те же прическа, платье, те же ломаные линии тела...

Она вдруг мимолетно нахмурилась, замерла и тут же развернулась ко мне, лукаво грозя пальцем:

– Послушай, так, выходит, ты видел мои картины! Значит, все-таки заходил на выставку?! Вот это – настоящий сюрприз для меня! Мой Ален втихаря познакомился с моими работами. Bravo!

И она заключила меня в свои пылкие и страстные объятия. Сами понимаете, я не стал уточнять, что на выставку так и не рискнул зайти, лишь по случаю бросив взгляд на одноединственное полотно. В сущности, я ничего и не смог бы сказать, даже если бы искренне того желал – синеглазая Соня меня горячо целовала, а я не желал прерывать этот древний и священный обряд.

Чудесная ночь Монтре продолжалась. Мы с Соней, болтая ни о чем и обо всем сразу, дошли почти до конца набережной, развернулись и вновь двинулись по направлению к балетному помосту, где к тому времени звучали, доносясь до нас и сменяя друг друга, великие классические произведения, под дивные мелодии которых очередные участники исполняли свои партии.

Признаться, все это нас уже несколько не интересовало: после потрясения от выступления Алекса Мону мы вдруг ощутили великую любовь друг к другу и ко всему миру, а потому бесконечно брели, плыли, летели вдоль освещенной фонарями и звездами набережной, ощущая немислимое счастье просто от того, что рядом счастливо бьется самое родное сердце.

– Чудесный городок Монтре, – говорила дивным голосом Соня, тепло сжимая мою руку. – Кто бы знал, что я смогу ощущать себя счастливой просто так – потому что живу, потому что иду под руку с моим парнем! Еще вчера я была уверена, что счастье – хитроумное блюдо из бесконечного числа составляющих: творческий успех, кругленький счет в банке, отменное здоровье, красота... Не хватает хотя бы одного – и нет счастья.

Она вздыхала, утопала и таяла в моих объятиях, блаженно улыбалась, ощутив мои губы где-то в районе собственного темечка, продолжая проговаривать свой бесконечно счастливый монолог.

– Но все гораздо проще. Счастье – это идти рядом с Аленом... Даже нет! Счастье – это просто быть рядом с Аленом... Просто быть! А также счастье – это чудесно подмигивающие с небес звезды, теплые объятия сумерек, тихие вздохи волн спящего озера, ветерок и улыбающаяся Луна – конечно, все это тоже частичка великого счастья мира.

– В таком случае счастье вновь становится у тебя «хитроумным блюдом из многих составляющих»...

– Ну нет! Просто у меня не одно, а много счастлиев! Счастье идти в обнимку с Аленом, счастье быть в Монтре, счастье звезд и неба, луны и ветерка, фестиваля и музыки, творчества и успеха...

Клянусь, так мы могли бы бродить по набережной туда и обратно до самого утра, лопа-
ясь от счастья и восхищаясь волшебством бытия. Могли бы, если бы ближе к часу ночи,
когда со стороны балетного помоста стали доноситься фанфары – сигнал подведения ито-
гов дня, – гениальный Алекс Мону не преподнес бы нам еще один, свой самый последний,
поистине убийственный «сюрприз», адресованный лично Соне, которая первой его увидела.
... – Что это?

Она вдруг резко замерла на месте, и в то же самое мгновение беззвучно разрушился,
исчез наш незримый дворец гармонии и счастья. Я проследил в направлении взгляда Сони
и чуть крепче сжал ее плечи.

Картина прямо перед нами полностью повторяла то единственное полотно Сони, что
я увидел одним глазом на выставке в Шильоне. На каменном парапете набережной непо-
движно лежал Алекс Мону – копна убранный в хвост гривы волос в стиле Боба Марли, рас-
христанное платье Избранницы, ломаные, рваные линии рук и ног, мускулистость и худоба,
счастливый оскал черногубого рта и мрачная бездна широко распахнутых в вечность мерт-
вых глаз.

Я перевел дух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.